

Девять часов вечера. В уединённом, изысканно убранном зале отеля «Золотое великолепие» стоял густой, дурманящий дух элитного маотая.

— А Пэй Цзя умеет умаслить словом! — Директор Чжу, главный гость сегодняшнего вечера, мужчина лет тридцати с небольшим, поднял стопку. — Похоже, от этой чарки тебе не отвертеться. Выпей, иначе брату Чжу будет обидно.

Пэй Цзя привычно, изящным жестом подхватил рюмку длинными тонкими пальцами. С его внешностью режиссёры чаще всего звали его на роли холёных мажоров и балованных плеybоев — богатых, капризных, порочных.

Директор Чжу, не отрывая сального взгляда от его пальцев, судорожно ослабил галстук. В горле у него пересохло, а в груди стало тесно от хлынувшего жара.

Пэй Цзя поднялся. На нём был облегающий чёрный джемпер, выгодно подчёркивающий каждый вдох и выдох. Парень заметно перебрал: щёки горели густым румянцем, но рассудок оставался трезвым. Почти не заплетающимся языком он пропел:

— Да что вы, брат Чжу! Как я смею отказаться от вашего угощения? Одной хватит или маловато будет?

Договорив, он запрокинул голову, и алкоголь одним махом исчез в его горле. Пэй Цзя демонстративно перевернул рюмку: ни единой капли.

— Хорош! Ну и силён пить! — восхитился Директор Чжу. — Давай-ка, Пэй Цзя, иди сюда. Садись рядышком, потолкуем о деле.

Парень приторно, завлекаяще улыбнулся и без лишней скромности опустился на стул по соседству.

Директор Чжу тут же накрыл его ладонь своей и провёл пальцами по подбородку. Кожа у юноши оказалась нежной и гладкой — точь-в-точь как он себе представлял, даже лучше.

— Ах ты, паршивец... — Директор Чжу причмокнул.

Стоило директору нагло потянуться к его тонкой талии, как Пэй Цзя, будто совсем захмелев, откинулся на спинку стула. Прикрыв веки, он лениво посмотрел на похотливого босса, ухватился за его галстук и потянул на себя.

Директор Чжу загорелся, приготовившись поцеловать его.

— Брат Чжу, давайте ещё по одной, — прошептал Пэй Цзя.

Устоять перед этим невинным и одновременно порочным взглядом не смог бы ни один любитель мужской ласки. Директор Чжу пускал на него слюни не первый день, и отказать в такой малости просто не имел сил. Захмелевший Пэй Цзя излучал невероятный, почти животный магнетизм. Стоило директору представить его в постели, скользнув взглядом по изгибу бёдер под обтягивающей тканью, как внизу живота заклокотало пламя.

— Что за напёрстки! — гаркнул Директор Чжу, теряя голову. — Разве так пьют? Неси бокалы побольше!

Остальные гости за столом одобрительно загудели, подгоняя официантов.

Застолье затянулось до часу ночи. Наконец гости разошлись, и в зале воцарилась тишина.

Пэй Цзя стоял в уборной, прислонившись спиной к двери, и чутко прислушивался. Убедившись, что всё затихло, он дрожащими пальцами выудил из кармана мобильный.

— Алло, Сяо Чжан? Давай дуй к отелю, заberi меня.

Локтем опершись на влажный край раковины, он приоткрыл глаза и уставился в зеркало.

На него смотрело безупречно красивое, почти кукольное лицо. В шоу-бизнесе таких звали «свежим мясом». Вот только мясо оказалось слишком уж лакомым: не успел парень толком раскрутиться, как на него уже объявили охоту.

Вдруг он недовольно насупил:

— Какая ещё постель в такую рань? Если сам не можешь, пришли кого-нибудь! Номер? Какой ещё, к чёрту, номер?! Я домой хочу! Живо! Или завтра можешь на работу не выходить!

Бросив трубку, Пэй Цзя не удержал бьющийся в ознобе телефон, и тот с глухим стуком шлёпнулся прямо в раковину.

— Твою мать... — процедил он сквозь зубы.

Пришлось доставать несчастный шестой айфон, насухо вытирать его и бережно класть на полочку.

Шумно лилась вода.

Пэй Цзя глубоко вдыхал горячий воздух покрасневшим носом. Вонючие индийские благовония в туалете душили его. Он толкнул дверь и вышел в зал, решив переждать в кресле, пока за ним приедет его личный агент, нянька, шофёр и по совместительству лучший друг Сяо Чжан.

Голова гудела, а последняя пара недель выдалась на редкость паршивой.

Сначала сорвался контракт на рекламу шампуня, подписанный два месяца назад, — бренд в последний момент сменил лицо. Затем в сериале, куда он заступил всего полнедели назад, начались бесконечные кадровые перестановки. Продюсеры пачками пропихивали «своих» людей, из-за чего Пэй Цзя из ключевого персонажа превратился в безликого статиста на заднем плане. С рекламой ладно, неустойку выплатили солидную, обидно было лишь за потерянный пиар.

Но этот проект значил для него слишком много. Будь это проходной сериал для кабельного, он бы и бровью не повёл. Пэй Цзя не хватал звёзд с неба, но на фоне серой массы новичков в дешёвых веб-дорамах его лицо зритель хотя бы помнил. Телеканал, снимавший этот проект, держал первые строчки в национальных рейтингах. Попасть к ним на экран — гарантированный билет в высшую лигу, даже если играть придётся в третьесортной мелодраме про деревенскую любовь.

Наведя справки через третьи руки, Пэй Цзя выяснил: наглые выскочки попали в каст по протекции одного из главных спонсоров. Этим спонсором и был директор Чжу. Кое-как нащупав нужные ниточки, Пэй Цзя выбил для себя приглашение на этот ужин.

Этот Директор Чжу давно набил руку на «опеке» молодых талантов. Дома его ждали жена и дети, но на стороне он не брезговал ни девицами, ни юношами. Аппетиты у босса были простые: он обожал смазливых мальчиков, которых потом щедро рассовывал по съёмочным площадкам.

На фоне неопытных подростков, едва сошедших со школьной скамьи, двадцатидвухлетний Пэй Цзя казался ветераном, но его спасала редкая красота. На его безупречной коже нельзя было разглядеть ни единой поры, а густые мужские брови уравнивали томный взгляд, не позволяя образу скатиться в откровенную женственность.

Что до фигуры — его тонкой, гибкой талии мог позавидовать любой. С раннего детства Пэй Цзя занимался танцами: сначала народными, потом переключился на латину, а в университете всерьёз увлёкся бальными. Сегодня в четыре дня он сел в машину к директору Чжу, и следующие два часа они увлечённо обсуждали танцевальные па. Разумеется, старый развратник под шумок не упускал случая прикоснуться к нему лишний раз.

А когда полился алкоголь, развязались и языки.

— Те двое, из каста, они под крылом у брата Чжу. Я парень прямой, юлить не люблю, — хвастался пьяный спонсор, бесцеремонно сжав бедро Пэй Цзя. — Скажу прямо: ляжешь под меня — и хрен с ним, с этим вторым планом. Я тебе главную роль устрою!

Пэй Цзя сразу понял: дешёвый трёп. Он лишь мило похихикал, переводя тему, а когда спонсор окончательно нарезался, ловко ускользнул и заперся в туалете.

Когда клиент лыка не вяжет, ему явно не до приручённых «птичек».

Пэй Цзя прекрасно знал своё место. Для публики он был восходящей звездой второго эшелона, которая вот-вот совершит прорыв. Но в глазах этих денежных мешков он оставался лишь элитным товаром, живой игрушкой без ценника. Обычный бизнес: всё строится на добровольном согласии, и насиловать упрямцев никто не станет — слишком много хлопот.

Как только правила игры прояснились, хмель окончательно выветрился из его головы.

Этот «брат Чжу» был всего лишь инвестором, а не режиссёром или продюсером. Ладно второстепенные роли, но двигать главных героев он физически не мог. Обычная лапша на уши. Поняв, что ловить здесь нечего, Пэй Цзя решил больше не позволять себя лапать. Он проторчал в кабинке полчаса, где его дважды знатно вывернуло.

Голова раскалывалась, будто её стянули стальным обручем. Он немного полежал лицом на столе, потом с трудом заставил себя сесть и налил пиалу остывшего супа с зелёными бобами и рёбрышками, чтобы хоть как-то прийти в себя.

Но не успел он сделать и пары глотков, как дверь в зал распахнулась.

Пэй Цзя не поднял головы и махнул рукой:

— Суп отличный. Сяо Чжан, попроси упаковать с собой, дома разогреем. Буду позже.

— Вязать его, — раздался чужой, ледяной голос.

Пэй Цзя удивлённо прищурился и обернулся. Перед ним стояли незнакомые мужчины в строгих чёрных костюмах и кожаных туфлях. Бандиты? Охранники? Кино снимают?

— Вы кто такие? Я вас не знаю, — он попытался встать, но ослабевшие ноги предательски задрожали, и он покачнулся.

Люди в костюмах навалились толпой.

В следующую секунду в бок Пэй Цзя упёрлось что-то холодное и твёрдое. Взглянув вниз, парень похолодел, покрываясь липким потом.

— Ребята, вы ошиблись, я вас не знаю... — договорить он не успел. Резкий удар в затылок

оборвал мысли, и мир вокруг него погас.

Даже в кошмарах Пэй Цзя не могло привидеться, что его жизнь кончится на дне холодного озера. И уж тем более он так и не понял, за какие грехи выбор пал именно на него.

Стоял конец ноября. В банкетном зале вовсю шпарил кондиционер, поэтому парень вырядился в один лишь облегающий джемпер, надеясь выгодно подать фигуру перед жирным клиентом. Обычное дело, он проворачивал такое сотни раз. Пока дело не доходило до постели, лёгкий флирт его не смущал: подержаться за ручку, чмокнуть в щёку — пережить можно. Бесплатного сыра не бывает, а от случайных касаний от него не убудет. Эту простую истину ему наглядно растолковали ещё во времена работы моделью.

За его плечами был лишь заштатный колледж искусств. Ни связей, ни богатых родителей — пробиваться приходилось самому, буквально зубами выгрызая каждый шаг.

Торговать телом он не хотел. Не то чтобы он строил из себя святошу, просто Пэй Цзя был на редкость труслив.

Он прекрасно понимал: подобные грязные тайны — это мина замедленного действия. На какую бы вершину он ни забрался, один слив в сеть похоронит его карьеру раз и навсегда. Идти на такой риск имело смысл только ради какого-нибудь всемогущего магната, способного одним щелчком пальцев заткнуть рты всем журналистам страны. Но таких покровителей у него не водилось.

Да и не посмотрели бы воротилы такого полёта на мелкую сошку. Впрочем, и самих этих гигантов в индустрии можно было пересчитать по пальцам одной руки. Прошли золотые девяностые — теперь инвесторы диверсифицировали активы и не держали яйца в одной корзине.

Сценарии штамповались под копирку, а каст собирался исключительно ради хайпа и быстрой окупаемости. Богачи умели считать деньги: малейший намёк на убытки или скандал — и финансирование сворачивалось в один день.

Стоило выстрелить жанру сянся, как Пэй Цзя завалили однотипными предложениями, а привычные мыльные оперы испарились из его расписания. Все, с кем ему приходилось иметь дело, хотели лишь сорвать быстрый куш. Найти щедрого мецената, готового вкладываться в него в долгую, было задачей из разряда фантастики. По крайней мере, до сих пор судьба его так и не побаловала.

В шоу-бизнесе Пэй Цзя крутился с малых лет. В четырнадцать его впервые сняли в рекламе, затем он поступил в какую-то заштатную актёрскую школу, где благополучно забросил учёбу ради съёмок в массовке и копеечного моделинга. Он пахал как проклятый и не боялся никакой

грязной работы. С годами пришло горькое понимание: одного трудолюбия мало. Иногда, чтобы выжить, нужно уметь молча глотать обиды.

Конечно, он пытался брыкаться. Но для мелкого актёришки без постоянного контракта, не знающего, продлят ли с ним договор на следующий год, выпендрёж был непозволительной роскошью. Век артиста короток, и Пэй Цзя трезво оценивал свои шансы: нужно ковать железо, пока горячо, и загребать как можно больше денег, пока лицо продаётся.

По сути, он оставался трусливым приспособленцем. Да, позволял лапать себя за коленки, да, подсиживал неопытных новичков на пробах — но за рамки мелких пакостей никогда не выходил.

И кто бы мог подумать, что его вот так цинично похитят? Он перебрал в уме всех знакомых, но ни у кого не могло быть причин желать ему смерти. Наверняка вымогатели.

Когда его бесцеремонно выволокли из багажника машины, схватив вчетвером за руки и за ноги, Пэй Цзя до последнего не верил в происходящее. Сначала он дико орал, но теперь сорвал голос и просто обмяк, изнурённый паникой.

Только когда обжигающе ледяная вода хлынула ему в рот и уши, до него дошло.

Никакого выкупа не будет. Его убрали.

С застёгнутыми за спиной наручниками он не мог даже толком побарахтаться.

План на жизнь пошёл прахом. Пэй Цзя так и не успел накопить на пластику в Сеуле к двадцати восьми годам, не раскрутил блог к тридцати и не ушёл на покой к тридцати пяти, перевезя родню в мегаполис.

Перед тем как сознание окончательно угасло в чёрной бездне, в его голове билась лишь одна отчаянная мысль.

«Мой миллион триста тысяч! Я же их даже потратить не успел!»

Жгучая досада от потери сбережений оказалась куда невыносимее предсмертного удушья. Вот так нелепо, тихим зимним вечером, оборвалась жизнь Пэй Цзя на самом дне глубокого озера.